

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Хайнц Килер

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ НА ВОЙНЕ

**СВИДЕТЕЛЬСТВА ЕФРЕЙТОРА ВЕРМАХТА
О БОЯХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1941—1942

За линией фронта. Мемуары

Хайнц Килер

**Еще один день на войне.
Свидетельства ефрейтора
вермахта о боях на
Восточном фронте. 1941–1942**

«Центрполиграф»

1955

УДК 94(47)"1939/1945"
ББК 63.3(2-2)62

Килер Х.

Еще один день на войне. Свидетельства ефрейтора вермахта о боях на Восточном фронте. 1941–1942 / Х. Килер — «Центрполиграф», 1955 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5462-0

Записки Хайнца Килера — еще один ценный документ, свидетельствующий о фронтовых буднях Второй мировой войны. Ефрейтор Хайнц Килер служил санитаром в немецком военном госпитале. Свой дневник он начал в сентябре 1941 г. — в то время, когда немецкие войска вплотную подошли к Москве. День за днем Килер ухаживал за ранеными, наблюдая кровавые раны, смерть, болезни и голод. Мирный человек в душе, он все больше проникается отвращением к войне, к тому, как она разрушает душу и жизнь тех, кто в нее, так или иначе, втянут. Он не может понять, зачем людей принуждают убивать друг друга, и говорит самому себе: «Мы должны стремиться не к завоеванию мира, а служить ему». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)"1939/1945"

ББК 63.3(2-2)62

ISBN 978-5-9524-5462-0

© Килер Х., 1955

© Центрполиграф, 1955

Содержание

1941 год	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Килер Хайнц

Еще один день на войне

Свидетельства ефрейтора вермахта

о боях на Восточном фронте

1941–1942

1941 год

Мужиново, 2 сентября

Скоро полночь. Я сижу на школьной скамье в большой комнате. С деревянных стен свисают обрывки обоев. Почти все окна разбиты. Мы вставили несколько стекол. Моя маленькая карбидная лампа освещает темное помещение тусклым светом. Где-то в углу скребется мышь. Один раненый стонет, другой бредит, потом вдруг выкрикивает мое имя, но, когда я подхожу, он вновь закрывает глаза, и дыхание его становится ровным и глубоким.

Моим тяжелораненым нужен прежде всего сон, и каждый час сна для них на вес золота.

3 сентября

Вечером к нам поступил обер-фельдфебель со сквозным ранением правой голени. Подозрение на газовую гангрену. Есть надежда, что ногу удастся-таки спасти, и это, безусловно, обрадует всех нас, а в особенности самого раненого, который еще так молод. Завтра наш хирург доктор Нико решит (с Божьей помощью), сможет ли Кристель Йонес сохранить свою ногу.

4 сентября

Да, надежда еще есть, но пока очень слабая. Сегодня, осмотрев ногу Кристеля, Нико сокрушенно покачал головой. Он не любит ампутировать и всеми средствами старается избежать этого, чтобы по возможности никого не калечить. У него еще есть время до завтра, но только до завтра, потому что речь ведь идет не только о ноге – речь идет о жизни обер-фельдфебеля.

5 сентября

Когда утром Кристеля привезли в операционную, мне показалось, что тот уже готов к неизбежному. Альберт, сразу как только разбудил меня, сообщил, что гангрена у обер-фельдфебеля уже добралась до колена. У меня сжалось сердце, когда Нико все-таки отпилил бедняге правую ногу выше колена. После него мы на тот же стол уложили Альберта. Он тоже лишился ноги, которую пришлось ампутировать почти по самое бедро. Кристель первым очнулся от наркоза. Раненый взял меня за руку и прижал ее к груди. «Теперь я совсем один. Побудь со мной», – сказал он, но вскоре снова заснул. Между тем очнулся Альберт. Он не кричал, как обычно, и не плакал. Он лишь тихо, но мучительно грустно пробормотал: «Моя нога, пропала моя прекрасная нога»...

10 сентября

Что принесет следующий день? Для Рихарда, возможно, смерть. 7-го он был тяжело ранен во время разведоперации. 8-го его привезли к нам. Подозрение на газовую гангрену? Да. К сожалению. Должна помочь сыворотка, обязательно должна! Нико делает надрез в ноге,

помещает туда дренаж. В ранах есть воздух. Это смертельный враг газовой бациллы. Много воздуха. И особенно много антител самого организма, естественного, телесного сопротивления этой бацилле, разрывающей мышечные волокна.

9-го, в решающий день, мы снова переносим Рихарда на операционный стол, удаляем повязку. Ночью Рихард вел себя беспокойно, мучился от боли. У него поднялась температура. Пульс – 120 ударов в минуту. Я молю про себя, чтобы все обошлось. Но ведь пахло гнилой плотью! О, мне хорошо знаком этот запах с прошлого воскресенья, когда пришлось пожертвовать своими ногами Альберту и Кристелю. Этот запах напоминает горелую кожу. Какое лицо будет у доктора Нико? Вот что важнее всего. «Тихо! Глуши мотор!» И все замолкают. Нога раненого оголена, на ней зияют мясом гноящиеся раны. Наступает решающий момент. Нико берет пинцет, щелкает, как будто хочет извлечь из него какой-то определенный звук. Голень еще мягкая. Это хорошо. Но вот выше колена... там плоть уже не реагирует, там она жесткая, там уже гангрена, там сидит бацилла. Теперь уже ничто не поможет. Ногу необходимо ампутировать, ведь речь уже идет о спасении жизни. Нужно резать... Иначе завтра гангрена проникнет в бедро...

11 сентября

Осмотрев Рихарда, доктор Нико замечает, что гангрена проникла дальше. Значит, придется снова ампутировать. Выше тазобедренного сустава кожа срезается. Новое переливание крови, порция физраствора, декстроза, кардиазол и простигмин. Потом еще десять кубиков камфоры. Рихард лежит как труп. Пульса почти нет. Выдержит ли он все это? Многие уже не верят. Но Нико все еще надеется...

Рихард держится целый день, потом ночь. Спокойно, мужественно терпит он эти муки, лежа на жестком соломенном матрасе.

Утром опять перевязка. У него снова поднялась температура. Рихард жалуется на боли. Это не к добру. Нико снова придется срезать кожу, а затем и мясо. Странное явление: гангрена проникла не только в мышцы, но и в кожу, которая местами почернела и пахнет гнилыми тряпками. Если завтра гангрена не остановится, у Нико больше не останется выбора. Я сижу. Не спится. Завтра Рихарду, возможно, сделают уже четвертое переливание крови. На борьбу со смертью доктор Нико бросил все силы. Вот если бы организм раненого тоже включился в эту борьбу и помог ему... Да, если бы... Все теперь в руках Божьих.

12 сентября

От ноги остался лишь короткий обрубок. Вот и все. Рихард потом еще долго лежал под наркозом. А когда очнулся, до него не сразу дошло, что правой ноги больше нет. Я осторожно склоняюсь над ним. Сначала он никак не реагирует, но потом лицо его краснеет, он запрокидывает голову и плачет. Зато теперь он, наверное, спасен. Нога ампутирована. Миновала ли опасность? Удалось ли победить гангрену? Сможет ли?.. Хватит! Наутро все будет ясно. Я снова просыпаюсь. И ноздри щекочет все тот же запах гнили...

13 сентября

Два черных дня. Я бы с радостью вычеркнул их из своей жизни. У меня самого как будто ноги отнялись. Ложусь в постель. Но заснуть почти невозможно. Со всех сторон на меня давит смерть. Боли, которые испытывают раненые, – это и мои боли. Их заботы и переживания о своих матерях, женах и детях – это и мои заботы. Просто ужасно.

Что будет завтра? Завтра? Завтра? Ах, если бы не грядущий день, если бы все происходящее было лишь сном, если бы я мог просто спать, спать, спать вечно и никогда не жить и не страдать...

Жизнь все-таки немилосердна и несправедлива. Почему негодяи и преступники как ни в чем не бывало ходят по свету и мешают жить нормальным, хорошим людям? К чему такая несправедливость?

Все это ложится на нас тяжким, невыносимым бременем. Мы чувствуем себя едва ли не преступниками из-за того, что в таких обстоятельствах не проявляем себя более человечно, гуманно. Где же христианство, если все люди против войны, но при этом они воюют между собой и совершают преступления против собственной воли? И я тоже один из них!

14 сентября

Восемнадцать надрезов тонкой кишки. Тяжелораненый фельдфебель лежит здесь уже двое суток. Он вел себя так тихо, что поначалу я его даже не замечал. Но сегодня утром силы покинули его, он стал проявлять беспокойство, начал жаловаться на сильные боли и просил сделать укол. Я подложил ему под спину вату и позвал врача. Тот сделал инфузию и вколол обезболивающее. Лицо раненого сильно осунулось, торчали скулы. «Я выкручусь?» – спрашивает меня фельдфебель. Мне ему соврать? Предложить какое-нибудь дешевое утешение? Пулевые ранения в живот, наверное, чаще всего приводят к смерти, но доктор Нико уже столько помог выжить, почему бы и здесь не помочь? Я вспоминаю об одном унтер-офицере, за которым когда-то ухаживал. У него было точно такое же ранение. Он остался жив. Поэтому я отвечаю: «У тебя есть шанс. Но если ты сам не поверишь в это, то непременно умрешь».

15 сентября

Раненный в живот становится еще более беспокойным. Он и в самом деле выглядит несчастным. Мне порой кажется, что он уже дышит смертью. Наверное, каждый вдох причиняет ему боль. Я помогаю ему, как могу. Два переливания крови прошли впустую. Раненый уже пахнет смертью... Ноздри белеют, кончик носа становится все острее. Сажу с ним до полуночи и то и дело щупаю пульс. Остальные тяжелораненные крепко заснули после того, как им вкололи дозу морфия. Время от времени мой подопечный просит глоток воды...

Но я могу лишь смочить ему губы. А в голове мысль: воистину, ведь так было и с Христом, когда тот висел на кресте...

И еще думаю (прости меня, Боже): мог ли Христос страдать сильнее, чем иные солдаты, которые в страшных муках у меня на глазах гибнут от полученных ран?

16 сентября

Раненный в живот этой ночью умер. Услышав, что дыхание умирающего стало тяжелым и прерывистым, я позвал доктора Нико. Тот явился сразу же. Я осветил лицо раненого. Последние силы вместе с потом покидали противившееся смерти, но уже остывающее тело. Это были уже предсмертные судороги гибнущего животного. Вместе с Нико мы вынесли умирающего в узкий коридор. Я поставил лампу на деревянную полку... Теперь я вглядывался в лицо Нико. Оно застыло, словно маска. Я не решался подойти к нему. Руки его повисли, словно плети. Он больше ничем не мог помочь. Хрипы умирающего сменились короткими вдохами – как у тонущего человека, который судорожно хватается ртом воздух. Мне вдруг захотелось что-то произнести, и я не смог удержаться. Я сказал доктору Нико: «Почему мы так очерствели, что даже не можем заплакать?» Нико какое-то мгновение молча смотрел на меня. Потом его лицо вдруг преобразилось, глаза вспыхнули. «Нет, – ответил он, – не очерствели, мы просто знаем гораздо больше, чем раньше».

И мы потащили мертвеца во двор.

Вскоре я вернулся к своим живым, которые в то время еще спали.

17 сентября

Передо мной лежит Георг, молодой ефрейтор. Его доставили к нам вечером с тяжелым ранением живота. Доктор Нико сразу же взялся за дело. Некоторое время я наблюдал за ним. Об этом восемнадцатилетнем ефрейторе говорили с восхищением. После ранения он больше ста метров прополз в одиночку к месту сбора раненых, заодно не допустив попадания остатков пищи в толстую кишку. Перед самой операцией он рассказал, что получил осколок в живот в тот самый момент, когда склонился над раненым товарищем. К счастью, его вовремя привезла к нам санитарная машина. Юноша с ужасом наблюдал, как его окровавленные кишки скользнули в руках доктора Нико. Он отрезал несколько участков. Потом Георгу сделали переливание крови и дали кислород для укрепления. Теперь я жду, когда он очнется от длительного наркоза. Сейчас он похож на мертвеца.

Двое пехотинцев, стоявших неподалеку от операционного стола, на котором лежал бедняга Георг, и наблюдавших, как доктор Нико занимается своим кровавым ремеслом, с ужасом отвернулись, увидев, как нож разрезает кожу, а хирург извлекает кишки из распоротого живота. Одному из них, унтер-офицеру, орденосцу, стоило немалых усилий выйти из помещения. Другой же, рядовой, здоровенный детина, прямо у нас на глазах вдруг рухнул в обморок...

Нико пришлось смастерить раненому новый анус. Рассчитано, что, как только Георг сможет принимать пищу, его фекалии будут выходить из левого бедра. Поэтому именно с этой стороны раненый окутан толстым слоем ваты. Позднее, после того как рана заживет, – возможно, уже через несколько месяцев (если Георг останется жив), будет проведена вторая операция, которая вернет больному нормальное опорожнение. А до тех пор Георгу придется помучаться...

18 сентября

Пульс у Георга просто сумасшедший: полторы сотни ударов в минуту. Очнувшись от наркоза, раненый посмотрел на меня лихорадочным взглядом, как на сумасшедшего. Он потребовал пить и готов был даже отдать мне свои часы за каплю воды. «Воды, воды», – хрипел он. А я не мог даже смочить ему губы. Нельзя, надо было еще подождать...

В полдень Георг отчаянно звал мать. Он ругался, назвал меня безжалостным, потому что я не давал ему ни капли воды. Мать бы наверняка помогла ему...

Ближе к вечеру раненых прибавилось. Много тяжелых. Ко мне поступило еще двое с ранениями живота. Георг ужасно мучается. «Не будь же так жесток, товарищ», – умоляет он. Он хочет пить. Но я неумолим. Поворачиваюсь к другому раненому, и тот, совсем голый, поднимается с постели. Он смотрит на меня так, будто хочет убить, но в то же время взгляд у него такой отчаянный, что я потрясен. Эх, бедняга... Я зову доктора Нико. Тот делает раненому инфузию. Через несколько минут раненый уже в бреду. Он срывает с себя одеяло, кричит: «Господин доктор!» Остальные тоже начинают кричать. Почти нечеловеческий стон и настойчивое требование: «Господин доктор...»

Уже за полночь. Никто не спит, все кричат и просят пить. Один хватается бутылку с мочой... Другой падает с кровати... Мне кажется, что одному мне с этим не справиться. Но

все трудятся, и, когда я вижу доктора Нико в операционной, мне становится стыдно за свою слабость. Он работает без усталости...

20 сентября

Сегодня наших раненых ласкало солнце. Его золотистые лучи проникали сквозь грязные окна, всех приветствуя и утешая. Все поднимали голову и смотрели на солнце. Наверное, оно согревало наши сердца и дарило надежду.

Кристель повесил на стену фотокарточку жены. И часто украдкой поглядывает на нее. Что за мысли вертятся у него в голове?

Когда я дал Георгу выпить ложечку чая, он сказал: «На вкус как мед» – и благодарно улыбнулся. Мужественный парень.

На родине вряд ли осознают, через какие муки проходят раненые. Об этом знают лишь те, кто сам прошел через это. Очень много говорят о героизме. А что это вообще такое – героизм?

Что такое любовь? Жалость? Смирение? Поэты и философы сочиняли на этот счет умные и красивые слова. Но одних лишь слов недостаточно. Я мог бы сказать: «Что такое солнце?» И ответом было бы само солнце со своими золотистыми лучами. Сегодня, листая томик Нового Завета, я наткнулся на такие слова: «И слово стало плотью... И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать». Да, вот и ответ! Ибо Христос пришел в наш мир, как солнце, – и поэтому надо всегда любить и ни о чем не просить, и, может быть, ближе всего к любви тот, кто о ней не просит.

С солнцем стало лучше. Рихард потянулся за сигаретой. Лихорадка отступила. Боль утихла. Унтер-офицер с тяжелым ранением бедра еще спит. Остальные раненые проснулись. Слава богу, хоть унтер-офицер пока спит. Мне приходится с ним возиться весь день. Каждые пять минут перекладываю то здоровую, то раненую ногу, подкладываю вату. Он порой уж слишком чувствителен и болезненно реагирует. Георг, маленький ефрейтор с ранением толстой кишки, напротив, лежит совершенно неподвижно и почти ни о чем не просит. Как, впрочем, и Альберт. О Рихарде и говорить не приходится. Такой милый парень. Благодарен за любую помощь. Я ему почти не нужен. Но я уже научился читать его желания по глазам. Сделали осмотр при перевязке. Пока все хорошо. Гангрена не прошла дальше. Дай бог, чтобы все было хорошо и его рана поскорее зажила.

22 сентября

Пришел доктор Рюм. Он пообещал взять на себя выкраивание заднего прохода Георга, чтобы как-то разгрузить Нико. Я стою рядом. «Парнишка», – называет он Георга, который и в самом деле выглядит как ребенок. Рюм всем своим поведением напоминает заботливого отца, поэтому и получил у нас прозвище «папаша». По возрасту он не подлежал призыву на воинскую службу, однако вызвался идти на фронт добровольцем. Он устроился войсковым врачом и выносил раненых с минных полей. Едва он (никогда не улыбаясь) появляется на пороге, от него сразу веет добротой и искренностью. Он аккуратно снимает повязку с Георга. И еще умудряется пошутить. А когда надевает резиновые перчатки, чтобы удалить фекалии, утешает «парнишку», заверяя, что все это временно и скоро тот пойдет на поправку. Я стою рядом и держу наготове воду. Затем он чистит «розетку», не обращая внимания на вонь, от которой остальных воротит. «Ты мне нравишься», – сказал он сегодня Георгу, который искренне поблагодарил врача за работу. А потом Рюм завернул его в вату до самых подмышек...

23 сентября

Нынче утром я собирался открыть окна. Почему-то напрочь забыл, что они не открываются. Просто воздух внутри совершенно невыносим, почти нечем дышать. Больше всего от этого страдают раненые, которым крайне необходим кислород.

Вернулся фельдфебель Штоффман, чтобы спросить, управлюсь ли я один. Он сказал, что у него до сих пор нет под рукой никого, кто мог бы мне помочь.

Я снова вколол себе кофеина. Такие вот дела...

Бесконечные благодарности от умирающих, которые не описать словами. Они признательны буквально за любую помощь.

Часто подмечаю, что так называемые сильные натуры, физически весьма жизнеспособные люди, на койке в лазарете оказываются подлыми и неблагодарными. Они корчатся от боли, как будто боятся собственной природы. С такими сплошные хлопоты. Напротив, молчаливые и чувствительные гораздо благороднее и лучше справляются с болью.

24 сентября

К нам поступил раненый майор. Я впервые увидел его в операционной. У него ранение между предплечьем и плечом. К счастью, это левая рука. Нико хочет попробовать сохранить руку. Он сшил основные нервы и мышцы. Скорее всего, рука окажется изувеченной, негнущейся. Да и вообще – удастся ли ее спасти? Нико поручил мне ухаживать за майором. Теперь тот лежит среди других раненых. Он добродушно поглядывает на меня. Вскоре мы разговорились. Я заметил, что, несмотря на седые волосы, у него поистине юношеский задор. К тому же он здорово разбирается в духовных вопросах. Едва он пришел в себя, как тут же спросил, нет ли у меня чего-нибудь почитать. Я дал ему какой-то роман, легкое чтиво. Он попросил что-нибудь получше, посерьезнее. Тогда я дал ему гимны Гельдерлина и томик стихов Ганса Кароссы. Он все прочитал до последней страницы. И пришел в восторг. У меня радостно забилося сердце. Своим видом и манерой говорить этот человек напоминает храброго вояку, но сердце у него как у ребенка.

25 сентября

Майору лучше. Сегодня я записал в своем дневнике: «Его пальцы потеплели. И постепенно наполняются жизнью. Очень помогает уход. Если я и дальше буду делать такие успехи, то все будет хорошо». Майор считает, что все закончится решающей битвой под Москвой, ибо, по его убеждению, командование располагает всеми необходимыми средствами, чтобы вскоре закончить эту войну. Надеемся на это и все мы. Тем временем на фронт поступает все больше новой техники. В том числе и танки, я сам видел. Судя по всему, готовится большое сражение. Сегодня Нико сказал, что вскоре придется отправлять раненых в тыл или обратно в свои части, потому что нужно освобождать места для новых партий. Такова уж суть войны: чтобы обрести наконец желанный мир, нужно сначала отдать множество жизней. Разве нельзя было добиться того же самого более простым путем? Для чего человеку разум?

26 сентября

С тех пор как рядом со мной оказался этот майор, я и сам как будто преобразился. Остальные раненые тоже от него в восторге. Он любит со всеми поговорить, не справляясь ни о чинах, ни о наградах. На его кителе, который он, правда, ни разу не надевал, я видел Рыцарский крест и прочие знаки отличия. Когда сегодня его навестил командир дивизии в сопровождении офицеров штаба, он жаловался на плохое питание солдат на перевязочном пункте.

Вместо того чтобы кормить раненых лучше, чем здоровых, те, наоборот, получают более скудную и худшего качества пищу. Может быть, это оттого, что раненые в данный момент больше никому не нужны? Генерал пообещал исправить положение. Из привезенных с собой запасов еды майор почти все распределил между ранеными. Он ежедневно диктовал мне свои мысли, а я записывал их к нему в дневник. Вчера я записал туда такие слова: «Стало немного лучше. В пальцах уже ощущается тепло. Но еще неизвестно, удастся ли сохранить руку. Надо подождать». Вновь и вновь я подношу ему резиновую бутылку с горячей водой, а он кладет ее на вату, укрывающую холодные пальцы, – в надежде, что это поможет...

27 сентября

Привезли сержанта, у которого, как оказалось, почти оторвана нижняя челюсть. Вниз свисали лишь клочья плоти и остатки челюсти, едва удерживаемые бинтами. Говорить он не мог. Пить просил жестами. Но как можно было его напоить, если язык прилипал к нёбу? Каждый вздох бедняги становился мучением и для нас. Он задыхался, как умирающий зверь. Своими израненными, больными глазами он почти ничего не видел. Это были глаза задыхающегося, молящего о помощи. Через час наконец появилась машина, которая должна была доставить раненого на аэродром. Но когда мы хотели уложить его на носилки, он вдруг так разволновался, что сорвал с себя повязку. Доктор Нико, не мешкая, взялся за дело. Он вскрыл трахею и вставил туда посеребренную трубочку. Я же тем временем держал залитую кровью голову раненого. Еще два врача пробовали делать искусственное дыхание. Нико пропустил тонкую трубку через трахею раненого, всасывая через нее и выплевывая кровь, которая забила горло умирающего. Но ничего не помогало. В итоге все усилия оказались напрасны. Смерть победила. Но признаюсь, лично я воспринял это как благословение для этого бедняги.

28 сентября

Вальтер, который ухаживает за ранеными вместе с Эрнстом, за завтраком вспоминал о родине. Обычно здравомыслящий человек, он вдруг стал похож на ребенка. Он бредил своей работой. А сейчас представлял себя санитаром... только не на войне, а в мирное время. «Домашняя тишина, близкие, хорошо знакомые люди, радость от выздоровления больных, звон воскресных колоколов – и вальс по радио...»

«Сейчас война, и надо с этим смириться», – ответил Эрнст. Но через некоторое время он вдруг преобразился, когда при очередной раздаче почты получил письмо от своей невесты. Тут он принялся шутить, заявив: «Сегодня пойду в кино, потом с невестой на танцы – да, да! А завтра утром усядусь за стол и начну раздавать поручения секретарше...»

Хватит, хватит. Мы рассмеялись – к нам прислушивались раненые, и им тоже стало легче на душе. Георг, который теперь уже мог есть жидкий суп, вдруг захотел жареной свинины с клецками, пудинга и вина, а потом еще и чашку крепкого зернового кофе!

29 сентября

Сегодня кормили намного лучше. Раненым выдали шоколад, печенье, фрукты, да еще куриный бульон в мешках. Просто чудеса! А все благодаря протесту нашего майора, которому командир роты уже несколько раз предлагал переместиться в палату к легкораненым, где намного спокойнее и где не такой спертый воздух. Но тот ответил, что хочет остаться с тяжелоранеными. По профессии он юрист и среди простых людей чувствует себя вполне комфортно. С Георгом он беседует о будущем. С Альбертом, Рихардом, Кристелем и остальными поддерживает добрые, товарищеские отношения. И читает он теперь намного больше. Я дал ему томик новелл Шторма. А он снова и снова перелистывает гимны и стихи.

30 сентября

Сегодня всех вывезли, палаты опустели. Под Москвой готовится новое крупное сражение. И приходится ожидать большого притока раненых.

Моя маленькая комната пуста. Теперь я здесь один и могу еще раз – не без облегчения и благодарности в душе – спокойно выспаться.

Когда санитарные машины увозили наших раненых (майора, Георга, Рихарда, Альберта, Кристеля и остальных), я на мгновение опечалился. Конечно, я всем сердцем желаю, чтобы они вернулись на родину. Но сейчас мне кажется, что вместе с ними от меня ушел кусочек жизни. Одному жить нельзя. Без человека мир был бы мертв, а жизнь – бессмысленна.

Когда мы укладывали раненых на носилки и грузили на машины, их лица выражали радостное ожидание. Кристель с гордостью говорил, что чувствует силу благодаря своей жертве, которую он принес во благо отечества. Майор был полон бодрости. Его рука так и не разгибается. Он попросил меня записать в свой дневник такие слова: «У нас будет мир только в том случае, если мы превзойдем противника духом самопожертвования». Рихард покачал головой, когда я спросил, нужно ли мне написать что-нибудь его жене. Он ответил, что делает это сам. Сначала он собирался написать ей, что потерял пару пальцев, потом ногу... Не сразу всю правду. Самое тяжелое ему предстояло впереди. Георг же, наоборот, не скрывал воодушевления. Он уже представлял себя на родине. Как и все остальные, он с благодарностью пожал руку доктору Нико. Потом дверца машины закрылась.

1 октября

Сегодня одна женщина привела к нам ребенка, мальчика лет десяти. Он был тяжело ранен осколком гранаты. Мы вынуждены были ампутировать бедняжке ногу. Теперь он лежит под наркозом. Мать, которая привезла к нам мальчика из соседней деревни, сидит рядом со мной. Она боится, что ее Миша больше не проснется. Наверное, она еще никогда не видела человека под наркозом.

Время от времени я поднимаю ему веки. Но зрачки по-прежнему выглядят застывшими, как будто стеклянными. Сидящая рядом мать рыдает. Это ее единственный ребенок. Отец мальчика – на фронте. Уже несколько месяцев она не получала от него никаких известий. Мальчик получил ранение от русской мины, которая взорвалась в деревне. Глядя на тело мальчика на операционном столе, доктор Нико не смог скрыть охватившего его волнения и гнева. Пару секунд он колебался, затем выругался. «Возмутительно, что даже дети не избавлены от нашей глупости», – сказал он. Наверное, вспомнил о собственном ребенке? Удивительно, но ни мальчик, ни его мать ничего не сказали. Мы тоже молчали.

И вот Миша очнулся. Когда он открыл глаза и огляделся, молодая женщина вскрикнула от радости и, обхватив ребенка, поцеловала его. Обезумев от счастья, она целовала мне руки. О потерянной ноге своего сына она, похоже, не думала. Ее ребенок жив, и это для нее самое главное. Конечно, она готова была сразу же забрать мальчика домой, но несколько дней ей придется потерпеть. Нико хотел, чтобы мальчика поместили в полевой госпиталь, но мать не хочет с ним расставаться. Она затопила печь, а жители деревни помогают с едой.

2 октября

У Миши немного поднялась температура. Но Нико не волнуется. Он счастлив, что смог помочь ребенку. Он навещает его чаще, чем обычно. Один из солдат в лазарете сдал кровь. Это пошло малышу на пользу, ведь он потерял много крови. Молодая мать с изумлением наблюдала за процедурой переливания крови.

Товарищи по роте тоже принимают участие в судьбе ребенка. О нем заботится даже старший полковой врач, человек давно женатый, но бездетный. Он принес ему плитку шоколада. Мне он сказал, когда я встретил его при входе в палату: «Ради бога, только не будите его сейчас». И при этом посмотрел на меня одновременно укоризненно и добродушно. Мать, которая стирает мне белье и во всем помогает, настолько ослеплена любовью к своему сыну, что не смеет даже думать о ближайшем будущем. Я же волей-неволей задумываюсь о том, что же будет потом с этим мальчиком.

Ко мне ненадолго зашел доктор Рюм. Мы разговорились. Он рассказал много интересного. Оказывается, Рюм был в России еще во время Первой мировой. «Нам бы только зиму пережить», – проговорил он. Доктор показал мне обращение фюрера к своим солдатам на Восточном фронте, в котором говорилось, что в скором времени русские армии будут наголову разбиты. Поэтому солдату придется еще раз пожертвовать собой, отдать все силы, и тогда Европа обретет наконец долгожданный мир. Доктор Рюм очень серьезен. Он не усмехается. И еще он совсем не знает страха. Когда мы прячемся в траншеях под минометным огнем, он начинает искать раненых. «Зачем бояться пули? Точно так же можно умереть от внезапной пневмонии. Это судьба», – сказал он однажды, когда я предостерег его от легкомысленного риска. Тем не менее он опасается грядущих лет. Он пока еще не видит конца войне, напротив, он озабочен «окончательной победой», которая уже заранее широко отмечается.

3 октября

Михаилу лучше. Лихорадка стихает. Доктор Нико очень доволен. «У меня еще не было такой тяжелой ампутации», – признался он мне. Вскоре пришло известие о том, что окруженные в котле русские скоро будут уничтожены. «Только едва ли эта бойня закончится...»

Мы все чувствуем, что Михаилу здесь хорошо. Он снова начал смеяться. Мать, которая сегодня отправилась в деревню, чтобы забрать вещи для ребенка, удалилась без тени беспокойства. Ненависть? Нет, такого мы в ней, кажется, не заметили. А ее ребенок? Трогательно наблюдать, как он всех нас любит. Пунцель сегодня принес губную гармошку, на которой до сих пор ни разу не играл. Он замер на мгновение, и Миша смотрел на него как замороженный. Мне даже показалось, что война вдруг закончилась, или, может, ее вовсе не было?.. Пунцель сказал, что инструмент ему больше не нужен, и подарил губную гармошку Мише. Тот повертел гармошку в руках, поднес к губам. А когда раздалось несколько звуков, то так развеселился, что готов был вскочить с постели. Он, кстати, так и не спросил, почему у него стало на одну ногу меньше...

Вернулась Мишина мать. На радость мне она принесла еще не начатую тетрадку. Она видела, как я все время что-то пишу, и подумала, что тетрадь может мне пригодиться. Хочу сохранить ее, но неужели это правильно – записывать в детскую тетрадку рассказы о злодеяниях отцов?

К нам прибыл генерал-майор медицинской службы. Он осмотрел все помещения, проверив, достаточно ли здесь места для ожидаемого притока раненых. Заметив маленького мальчика, он нехотя повернулся к старшему полковому врачу. «Это же перевязочный пункт, а не детский сад!» – проворчал он. Я тут же подошел к койке мальчика и откинул одеяло, чтобы был виден перевязанный обрубок ноги. Генерал насупился и замолчал. Пока он вместе с остальными выходил из комнаты, доктор Нико шепнул мне на ухо: «Правильно сделали».

4 октября

Сегодня маленький Миша и его мать покинули нас. Я отнес мальчика к повозке, вокруг которой собрались несколько местных жителей. Мальчик уселся на соломе, размахивал руками и смеялся, а мать, плача от радости, целовала мне руки.

Под гул орудий и грохот танков, направляющихся к линии фронта, маленькая упряжка покатила назад, в родную деревню...

Эрнст сообщил нам важную новость: на рассвете начнется сражение. Он сказал, что твердо верит в победу. «Когда мы разобьем Россию, станем самым великим и храбрым народом на свете».

Унтер-офицер Фельгибель сегодня учил нас обращаться с гранатой. Он заставил каждого из нас бросить гранату. «Вы можете, конечно, держать ее в руке немного дольше, чем обычно, – но только если не отпустили спусковой рычаг. Все просто, но нельзя об этом забывать! А уж если отпустили и промедлили... Ну, тогда взлетите вместе с ней...» – говорил он.

5 октября

Итак, сражение началось. Беспрерывная канонада. Вот и первые раненые... Машину с самыми тяжелыми мы отправили в расположенный неподалеку полевой госпиталь. При осмотре тяжелораненых я наткнулся на своего земляка. Я протянул ему миску с едой. Однако сам он не мог ее держать. С довольно спокойным видом (как будто с ним ничего такого не произошло) он сообщил, что у него нет рук. Один из его сослуживцев, лежавший рядом в санитарной машине, взял миску и поднес к его рту.

Во дворе лежат несколько русских. Почти все они тоже ранены. Никто ничего не говорит, и так все понятно. Страдают они, страдаем мы...

Русских доктор Нико оперирует так же тщательно и ответственно, как и наших...

Солдат, потерявший обе руки, крикнул мне из машины: «До свидания!»

Я не знаю, что еще написать. Через маленькие окна своей комнаты вижу беженцев: огромную толпу голодных стариков и детей...

Слава богу, мне не одному приходится ухаживать за ранеными. В помощь нам прислали Вальтера. Работы очень много, мы заняты по горло. Двое солдат с тяжелыми ранениями головы. Одного пришлось даже привязать к койке. Он мечется как безумный. Неподалеку от него лежит Франц, молодой унтер-офицер. У него ранение в живот. Он терпелив, не просит пить. Признался, что на самом деле ужасно хочет пить, но еще больше – остаться в живых.

Вальтер разозлился, увидев, как доктор Нико поступил с русскими. «Их всех нужно расстрелять!» – заявил он. Но когда к нам в палату принесли первого прооперированного русского, Вальтер словно преобразился. «На самом деле они такие же бедолаги, как и мы», – сказал он, и русский, которому он подал еду, жестом дал понять, что чувствует себя с нами в безопасности...

Франц продиктовал мне короткое письмо своей невесте. Очень уверенно и твердо.

Пунцель все свои сигареты раздал раненым. Когда он предложил русским и те согласились, один из наших хотел ему помешать. И тогда маленький Пунцель, покраснев, закричал от

возмущения: «На войне эти люди так же невинны, как и мы», – а потом ненадолго замолчал. Видимо, он сильно огорчился...

6 октября

Сейчас я едва притрагиваюсь к своему дневнику: у нас за последние трое суток более 400 раненых. И этому потоку нет конца. Операционная превратилась в настоящую бойню, а моя палата – в камеру смертников.

Утром скончался наш добряк фельдфебель. Лицо Франца, который еще вчера выглядел довольно бодрым, стало мертвенно-бледным, а глаза словно застыли и смотрели в одну точку.

Перед тем как фельдфебель умер, доктор Нико еще раз сделал ему переливание крови. Но все напрасно. Сокрушенно вздохнув, он помог мне уложить мертвеца на носилки.

Никак не могу успокоиться, все время думаю о Франце. Переливание крови ему не помогло... Как же так? Вот он слабеет, он уже пахнет смертью. Ноздри белеют, и кажется, будто кончик носа становится еще острее...

Ночью (наверное, в полудреме) я вдруг проснулся от собственного крика. Мне приснилось, что я лежу в луже крови, а руки мои вцепились в клочья плоти. Утром я и в самом деле обнаружил на носилках темно-красное пятно крови. Не помню, чтобы видел его вчера.

Ночью Франц окликнул меня. Он почувствовал слабость. «Сердце больше не выдержит», – стонал он. Я дал ему дилаудид-атропин. Врач на всякий случай уже и так назначил его на вечер. Приняв лекарство, Франц сразу оживился. Он обнял меня и сказал, что никогда еще не чувствовал себя так хорошо.

У Франца опять признаки сердечной недостаточности. Я снова сделал ему укол. Вечером ему сделали инъекцию камфары. Сегодня Пауль сдал для него кровь. Она текла легко и быстро. Пауль лег рядом на пол, и доктор Нико перекачивал кровь через тонкие резиновые трубочки с канюлями.

7 октября

Сегодня полно работы. Где-то неподалеку взорвался склад боеприпасов. Скорее всего, по чьей-то неосторожности. Жертвы: двое убитых и несколько раненых, в том числе унтер-офицер, который ослеп на оба глаза. Он все еще лежит в операционной, и я слышал, что скоро его переведут в мою палату.

Ну вот! Ослепший унтер-офицер лежит рядом. Он еще не знает, что потерял оба глаза, он пока без сознания, а инъекция морфия будет действовать еще несколько часов. Что потом?

Меня подозвал к себе доктор Нико. Редко приходилось видеть его таким серьезным. Он попросил очень мягко и деликатно сообщить унтер-офицеру, что... Он даже не закончил, но я уже все понял и просто кивнул. Кирхофф и остальные стояли и молча смотрели на меня, словно хотели понять, как я это восприму. Господи, как же мне теперь сказать бедняге правду!

Собравшись с силами, я сказал ему, что он потерял зрение. Взяв его руку, я молча провел ею по своему лицу. Его пальцы нащупали мои щеки, прошлись вдоль носа, наконец добрались до глаз... «Что, оба?» – спросил он. «Да», – тихо ответил я. Его забинтованная голова откинулась в сторону. Не знаю, что он чувствовал, о чем думал. Что происходило там, под толстым слоем бинтов, что творилось сейчас в его сердце. Он глубоко вдохнул, судорожно сжимая мои

руки, словно я должен был спасти его от погружения в неведомую бездну... Потом он немного успокоился...

Теперь его глаза потеряны навсегда, их ничем не заменить, для них нет протезов. Взяв поильник, я время от времени даю ему пить. Есть он пока не может.

Еще в полдень к нам зашел молодой лейтенант и прикрепил к кителю раненого унтер-офицера Железный крест 1-го класса. Потом произнес несколько слов. Ослепленный пожал ему руку, и потом я посмотрел на лейтенанта... Тот быстро повернулся и, покачнувшись, вышел из палаты.

Окровавленный китель с Железным крестом лежит у ног тяжелораненого.

Остальные раненые – с более легкими травмами – не меньше, чем я, потрясены тем, что случилось с их боевым товарищем. Ведь он пострадал от взрыва наших собственных боеприпасов...

Сегодня умер Франц. Поначалу казалось, что чувствует он себя получше – но это, наверное, от наркотических уколов. Пока мы беседовали, он, словно утопающий, вдруг протянул ко мне левую руку, – глаза его сделались бесцветными, бледными, – а спустя мгновение его уже охватила агония... Я подбежал к доктору Нико, тот, не мешкая, вколол ему строфантин, но, прежде чем тот подействовал, глаза Франца уже закрылись навсегда. Все выглядело так, как будто он просто уснул.

8 октября

Всех наших раненых переправили в полевой госпиталь. Ослепшего унтер-офицера вчера отвезли в тыл. Вернули и тех двоих, раненных в голову. А теперь снова вперед.

Я проживал в доме у одного старика, почти слепого. Мы почти не понимали друг друга. Он и сам точно не знает, сколько ему лет. Я даю ему хлеб, а он в благодарность подарил мне меховую шапку. На что она мне? Ведь зимой война закончится. Во всяком случае, здесь, в России, уж точно...

9 октября

Сегодня мы покидаем Мужиново. На самом деле я счастлив. За долгих пять недель это первый день за пределами больничной палаты. Снова чувствую землю под ногами, вижу бескрайний русский пейзаж. Несколько изб, над которыми по утрам светит солнце. Изможденные фигуры в меховых шапках и коричневых шкурах. Между нами серые солдаты.

«До свидания!» – кричит мне вслед дед Алеша, у которого я спал последнюю ночь. Он стоит перед своей избой и машет рукой... Нет уж, думаю, и взгляд мой блуждает по многочисленным солдатским могилам, среди которых покоятся многие доблестные герои. И снова оглядываюсь на небольшую деревянную школу, стены которой видели столько страданий...

Павловичи, 10 октября

Бой за деревню получился очень тяжелым. Танковая атака русских против нашей пехоты, более пятидесяти убитых. Когда мы вошли в деревню, повсюду валялись трупы. Мы вырыли ямы и опустили в них тела. Без гробов. В деревянном срубе есть тяжелораненые, в том числе несколько офицеров. У обер-лейтенанта очень неприятное сквозное ранение легких, вдобавок задеты почки. Пуля вошла в плечо, пробила тело до почки, где и застряла. Несмотря на чудовищные боли, молодой 26-летний командир роты терпит и держится молодцом. Рядом с

ним лежит лейтенант с простреленным животом. Стонет фельдфебель со слепым ранением легкого...

11 октября

Сегодня утром, убрав светомаскировку с крохотных окон бревенчатого дома, я увидел за стеклом заснеженный пейзаж. Неожиданное зрелище! Кругом уже вполне зимнее настроение. Несколько жителей, которые возвращались в деревню, надели толстые, довольно чудные шубы и пытаются приспособить под жилье стрелковые окопы и бункера. Неподалеку, пошатываясь, бродит старик с облезлой бородой. Наверное, напился. Лицо его было перекошено. Видимо, от голода. Эти люди живут здесь, как звери. Однажды к нам подошла тощая старуха в пестрой юбке с красивой вышивкой. Жестами она пыталась объяснить нам, что ей очень холодно, и попросила дать ей какую-нибудь обувь. Вилли Н., обычно крепкий на словцо и желающий видеть всех большевиков мертвыми, при виде замерзающей вдруг смутился и подвел старушку к тому месту, где лежали сапоги наших погибших солдат. Старуха, просияв, схватила одну пару и прижала к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.